

Повісила шанду-м...у
Над віконницею,
Нехай висить, нехай знає,
Нехай хлопців не приймає» [1, 41]
«Були мої ятрівочки,
Положили х... у ночов очки,
Поставили й у запічку:
«Тут лежи, наш батечку!»
Та посадили п...у на полицю,
Аж х... на полицю
Та витріщив очиці...» [1, 41]

Отже, арсенал тем в українських сороміцьких піснях є дійсно багатим, барвистим і живописним. В багатьох з них любовні сцени висвітлюються вельми прозоро і можна стверджувати, що в українському пісенному фольклорі, у піснях та коломийках про кохання, про шлюбні та дошлюбні інтимні стосунки між молодими людьми існує еротичний (порнографічний) код, який розшифровується за допомогою контексту.

Як видно, лексика пісень в романі «Великий секс у Малих Підгуляївцях», за допомогою якої змальовуються сцени кохання та позначаються його незмінні й обов'язкові атрибути, уже сама собою є експресивною, емоційно зарядженою, несе в собі позитивний або негативний аксіологічний заряд, емоційний потенціал, вона впливає на загальне емоційне тло народної пісні, спонукає читача чи слухача до певних висновків, до певного схвалювання чи засудження ліричного героя тощо.

Список використаних джерел

1. Клименко Л. Великий секс у Малих Підгуляївцях: роман / Л.Клименко. – К.: ПП «Дуліби», ВД «Вета-Прес», 2007. – Вид. 2. – 102 с.
2. Коккьяра Д. История фольклористики в Европе / Коккьяра. – М., 1960. – 380 с.
3. Колесса Філарет. Українська усна словесність / Філарет Колесса. – К.: Ранок, 2001. – С. 10.
4. Малишко А. Лірична творчість. Народна поезія // Українські письменники про літературу та мову / А.Малишко. – Київ, 1961. – 431 с.
5. Пушик С. Коломийковий скарб Якова Куняка, педагога, фольклориста // Коломийки Прикарпаття. Яків Куняк, збирач та впорядник / С.Пушик. – Івано-Франківськ, 2006. – С. 11-15.
6. Українська фольклористика. Словник-довідник. – Тернопіль, 2008. – 228 с.
7. Шумило Микита. Могутня й чарівна // Українська мова і література в школі / М.Шумило. – 1989. – Ч. 8. – С. 7-13.

Анотація. У статті автор робить спробу поетичного аналізу пісень в романі неординарної сучасної письменниці. Пісні переважно авторські з домішками народних мотивів на соціальний, політичний та сексуальний лад.

Ключові слова: *поетика, сороміцькі пісні, соціальність.*

Summary. *In the article an author gives it a short poetic analysis of songs in the novel of eccentric modern authoress. Songs are mainly authorial with the admixtures of folk reasons on a social, political and sexual structure.*

Keywords: *poetics, shameful songs, sociality.*

УДК 82-1 (470)

Черников И.Н., Петровская С.С.

ЖАНРОВЫЙ СТАТУС ИСТОРИОСОФСКОГО СИМВОЛИСТСКОГО РОМАНА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ» В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ КРИТИКИ 1910-Х ГОДОВ

Вопрос об отражении жанровых особенностей историософского символистского романа Д. С. Мережковского в рецензиях и критических статьях его современников не был до сих пор предметом научного рассмотрения. Между тем ряд исследований поэтики «срединного» текста модернистской трилогии «Царство Зверя», предпринятых в последнее время как отечествен-

ными [11; 19], так и зарубежными [23; 24] литературоведами, с полной очевидностью показал весьма большую значимость именно такого предварительного подхода в генеалогическом анализе этого произведения. Цель нашей статьи – попытаться ликвидировать этот досадный пробел в мерзковсковедении.

Творческая история романа «Александр Первый» началась с того, что его рукопись была конфискована: «При возвращении Мерзковского из-за границы таможенные власти в Вержболове отобрали рукопись романа <...>» [14, X]. Репрессии, по всей видимости, были вызваны близящимися празднованиями в связи с 300-летием династии Романовых. Готовящаяся в это время к публикации официальная история российского царского дома, исключала из нее все «мрачные» эпизоды [см.: 20]. В таком контексте сочинение Мерзковского могло быть расценено как крамольное. По мнению директора Департамента полиции, в романе «Александр Первый» в негативном виде освещалась личность императора, что являлось неуместным в год столетнего юбилея победы над Наполеоном.

17 марта 1812 года последовал особый доклад члена совета Главного управления печати Э. Н. Берендтса, который «дал в своем докладе уничтожающую критику мнений департамента полиции». В своей статье-расследовании 1922 года В. Е. Евгеньев-Максимов (один из главных в будущем знатоков творчества Н. Некрасова) называет этот доклад «литературно написанным отзывом» о романе Мерзковского. Берендтс рассматривает прежде всего образ императора, отмечая такой жанровый признак историософского символистского романа как бинаризм. Чиновник-рецензент указывает на непростую психологическую задачу Мерзковского-художника, в обрисовке которого Александр Первый «вызывает симпатию и глубокое сострадание» и которому «очень хорошо и верно» удалось передать «душевную драму Александра», а также противоречия его характера. Однако общий вывод рецензента таков: «В характеристику Александра I Мерзковский не внес ничего нового» [цит. по: 8].

Разбирая другие образы романа, Берендтс по-прежнему сосредоточивает свое внимание на жанровой функции амбивалентности характеров. Так, он отмечает отрицательное влияние Аракчеева на монарха, дает лаконичные оценки Фотию («грубый фанатик»), Серафиму («трусливый и властолюбивый иерарх»), князю Голицыну-дяде («сочетает религиозный пафос и мистицизм с лукавым царедворством»). «Неудовлетворительными» в цензурном отношении Берендтсом были признаны главы о декабристах, Фотии, митрополите Серафиме, Голицыне-дяде. Декабристы, по мнению Берендтса, рисуются Мерзковским «в весьма непривлекательном освещении: Рылеев фантазер и притом человек неискренний, Каховский полусумасшедший маниак, Пестель смесь холодного деспота-якобинца и сентиментального мечтателя, Якубович тип нахала-бретера и т. д. Все разговоры о революции и цареубийстве дышат какой-то ребяческой непродуманностью...». Общий вывод чиновника снимал все обвинения с Мерзковского и редактора «Русской мысли» в «предосудительности» романа «Александр Первый»: «<...> причин к возбуждению преследования против редактора (В. Брюсова, который настаивал на напечатании романа. – И. Ч.) журнала «Русская мысль» не имеется» [см.: 8].

Впервые несколько отрывков из романа «Александр Первый» были опубликованы в многотиражной по меркам эпохи рубежа XIX – XX веков (1 миллион экземпляров) газете И. Д. Сытина «Русское слово» [16]. В 1910 году, еще до этого события, тогдашний редактор беллетристического отдела журнала «Русская мысль» В. Я. Брюсов информировал о предстоящем событии главу издания, П. Б. Струве: «Д. С. Мерзковский <...> предлагает свой роман «Александр I и декабристы» (таким было первоначальное название «Александра Первого». – И. Ч.), первые главы которого будут готовы через полгода. Но дело в том, что отрывки романа он хочет печатать в «Русском Слове», где за отрывки ему заплатят втрое больше, чем в «Русской мысли» за весь роман» [4, 268-269.].

В другом письме П. Б. Струве, написанном примерно через месяц, Брюсов уже дает оценку произведению Мерзковского: «Помещение романа Мерзковского (романа «Александр Первый». – И. Ч.) в «Русской Мысли» я считаю чрезвычайно важным. Этот роман, без сомнения, будет событием в литературе» [4, 278]. Брюсов идет даже на улаживание чрезвычайно щекотливого вопроса об очень высоком гонораре, который Мерзковский, как и ожидалось, запросил за публикацию романа. По поводу этой проблемы Брюсов вынужден был вновь обратиться к Струве: «В делах коммерческих Мерзковский любит вести себя по-коммерчески. Я думаю, что «поторговаться» с Мерзковским не только можно, но и должно. <...> Притом я считаю полезным, чтобы всякие договоры с Мерзковским были не только письменными, но вообще юридически правомерными. На моей памяти Мерзковскому случалось <...>, в силу его великого презрения к людям, нарушать вполне определенно принятые на себя обязательства» [4, 279].

Твердо убежденный в принципиальной важности этой публикации Брюсов настоял на полном напечатании романа в подведомственном ему журнале «Русская мысль», что и было сделано с небольшими перерывами в течение 1911 и 1912 годов [17]. В результате долгих переговоров

роман появился на страницах «Русской мысли», но ожидаемого эффекта публикация так и не произвела. Отдельным изданием роман «Александр Первый» вышел в 1913 году [18].

Уже в конце 1912 – начале 1913 года появился целый ряд журнально-газетных рецензий, а чуть позже и пространных критических статей по поводу нового произведения Мережковского. Среди писавших были русский писатель и литературный критик Б. А. Садовской; литературный обозреватель «Аполлона», автор постоянной рубрики журнала «Заметки о русской беллетристике», литератор В. А. Чудовский, который не без ехидства подчеркивал, что журнал Струве, публикуя роман Мережковского, издается так, будто это «юбилейные номера русского символизма» [22]; русский писатель и критик Л. Н. Войтоловский [5]; критики Ф. Д. Батюшков, В. Г. Голиков, А. А. Измайлов [10], А. А. Корнилов, С. П. Мельгунов, Н. Я. Абрамович и др.

Главная линия анализа романа в газетных и журнальных рецензиях определялась отношением критиков к историософской концепции писателя и к его поэтическим приемам. Как правило, автор «Александра Первого» рассматривался как исторический романист критико-реалистического толка, проигрывающий в художественном отношении Л. Н. Толстому. Отмечались чуждые критикам своеобразные философско-исторические задачи, которые пытался реализовать Мережковский, выявлялись особенности историзма романа.

В. Голиков, критик журнала «Вестник знания» сосредоточил свое внимание на историософской стороне романа об императоре Александре: «В движении декабристов Мережковский ищет «религиозную душу», как он искал ее в современном освободительном движении»; «кажется, намерение Мережковского – показать, что Россия всегда была, есть и будет религиозная, даже в атеизме своем». Лишь в качестве «дежурной» можно рассматривать фразу В. Голикова о «модернизации» александровской эпохи, о субъективизме истолкования характеров реально существовавших лиц, о подражании Достоевскому [см.: 6, 126].

Основательностью отличается критическая статья писателя Б. Садовского с нетривиальным названием «Оклеветанные тени», построенная на «разоблачении» приемов Мережковского-исторического романиста, на перечислении фактических неточностей, анахронизмов и погрешностей писателя. Б. Садовской пронизательно прослеживает художественную преемственность Мережковского-автора «Александра Первого» с первой историософской трилогией «Христос и Антихрист»: «Мертвой теорией, общим методологическим приемом пытается Мережковский подменить то, в чем ему отказано от природы. Идея «Александра I» все та же, давно известная: это развитие его (Мережковского. – И. Ч.) учения об Антихристе» <...>, идея в корне погубила замысел романиста, и Александр вышел неубедительным и бледным» [см.: 21, 117-118].

Б. Садовской не прошел мимо одной из составляющих поэтики жанра историософского символистского романа об Александре – интертекстуальности: автор статьи обвинял Мережковского в том, что он «строго и пристрастно судит знаменитых наших покойников» (Жукова, Карамзина, Жуковского, декабристов: Рылеева, Пестеля, Каховского) и, «сажая их подсудимыми на скамью современности, как бы обвиняет в том, что не читали они «Грядущего Хама»». Замечая об изображении героев романа неврастениками XX века, критик так же, невольно, отмечает один из ведущих жанровых признаков «Александра Первого», а именно изоморфность действующих лиц произведения [см.: 21, 117-118].

В плане общей идейной и художественной эволюции писателя анализирует новый роман Мережковского рецензент «Новой жизни» Н. Абрамович, расценивая его роль в годину литературного «безвременья» как «одного из столпов» «литературной современности». Критик подчеркивает философское начало литературного дарования автора «Александра Первого», писателя, увлекающегося «умом, а не сердцем», обладающего «талантом-эхом», страстно откликающегося на «идеи и творческие замыслы оригинальных и крупных мыслителей и художников России и Запада» [1, 147, 150, 161].

Воссозданная Мережковским александровская эпоха вызвала живой интерес профессиональных историков, которые «забыли» о том, что анализируемое ими произведение художественный текст, причем текст символистский. И А. Корнилов, и С. Мельгунов пытаются подойти к историософскому модернистскому роману как к «добросовестной компиляции», «художественно написанной исторической монографии», в лучшем случае как к историческому роману реалистического толка, который, конечно же, «проигрывает» идеальной в этом отношении «Войне и миру». Непонимание специфики мифопоэтического историзма Мережковского ведет к тому, что их оценки «Александра Первого» практически сводятся к скрупулезным, очень добросовестным, но не раскрывающим особенностей поэтики произведения сопоставлениям исторических источников, которыми предположительно пользовался автор, и их художественного воплощения [см.: 12, 199; 15, 41, 43].

Так, оба историка пишут об односторонности, схематизме, «неисторичности» образов большинства декабристов (Рылеева, Пестеля, Бестужева, Каховского, Якубовича), нереальности бинаризма личности царя Александра и главного вымышленного героя романа, Валерьяна Голи-

цына. Совершенно неверно оценена ими жанровая роль интертекстуальности: как «совершенно непригодный», дающий лишь иллюзию «историчности», «исторического колорита» характеризуется «метод» работы Мережковского с цитатами, что приводит к созданию «не живых людей, а каких-то кукол и манекенов, за которых говорит автор этими подобранными цитатами» (Корнилов), «ходульных фигур с явно утрированными чертами» (Мельгунов) [см.: 12, 197; 15, 44].

Собрат Мережковского по символистскому лагерю А. Блок высказал глубокие мысли относительно отдельных составляющих жанра романа «Александр Первый», в частности отметив «рассудочность» (историсофичность), «повторяемость» (изоморфизм) поэтики произведения. [см.: 3, т. 5, 147-148].

«<...> Статья Корнилова тоже лишняя в журнале. Она решительно ничего не говорит об идейной позиции Мережковского, – позиции, которую мы должны осветить; » критика « Корнилова чисто внешняя, формальная, но – с этой точки зрения даже коротенькая заметка Садовского – ценнее бесцветных рассуждений Корнилова», – так в письме Е.А. Ляцкому, редактору журнала «Современник», М. Горький эмоционально прореагировал на «бестолковую», «бесцветную» и «малограмотную», по его мнению, рецензию профессионального историка на роман «Александр Первый» [7, 560].

Роман «Александр Первый», «срединный» текст второй историософской символистской трилогии Мережковского, пользовался немалой популярностью среди российской интеллектуальной читающей публики 1910-х гг. Несмотря на это, как видим, в итоговых, обзорных работах о художественной продукции Мережковского ему (и второй трилогии в частности) внимания уделялось немного. «Александр Первый» разделил общую судьбу трилогии «Царство Зверя», идеология и поэтика которой рассматривались как вторичные по отношению к «Христу и Антихристу» и потому оценивались значительно ниже.

Так, например, Е. Лундберг в своей итоговой работе, считая уже и первую трилогию Мережковского «Христос и Антихрист» «нежизнеспособной» в качестве «художественного целого», о второй трилогии не сказал практического ничего, отметив только «чрезмерный схематизм «Александра» (романа «Александр Первый»», а значит, волей неволей обозначил интерес автора к амбивалентным явлениям, отражающим суть не только литературного, но и российского исторического процесса [см.: 13, 140, 158].

Мысль Е. Лундберга об определенном схематизме и амбивалентности суждений Мережковского, синтезировавших тезис и антитезис, подхватил и развил Р. В. Иванов-Разумник, назвавший роман «Александр Первый» «произведением не живого художественного творчества, а искусством мертвого художника». Верный тезис был развит критиком, как видится, в неверном направлении, так как далее Р. Иванов-Разумник полагает, что Мережковский, «писатель-мертвец», способный создавать лишь «мертвые словесные схемы» (в частности, мысли Мережковского об отсутствии религиозности в декабристском движении и отказе российского самодержавия от подлинного православия) [9, 91, 130].

Подведем некоторые итоги. Роман «Александр Первый» был признан крупнейшим российским литературным явлением 1910-х гг. В критических отзывах на роман преобладало внимание к историософским концепциям Мережковского, к идейному содержанию произведения, а не к его жанровой поэтике. Анализируя последнюю, критики указывали лишь на отдельные жанровые элементы рецензируемого модернистского ретроспективного текста, в частности отмечалась концептуальность бинаризма Мережковского, конструктивность интертекстуальности, изоморфизм.

Список использованных источников

1. Абрамович Н. Я. Последний роман Мережковского «Александр I» / Н. Я. Абрамович // Новая жизнь, 1912. – № 3. – С. 146-163.
2. Батюшков Ф. Д. Пророки и праотцы русской свободы / Ф. Д. Батюшков // Речь. – 1912. – № 6. – С. 3.
3. Блок А. А. Собрание сочинений: [в 6 т.] / А. А. Блок. – Л.: Художественная литература, 1980-1983. – Тт. 1-6.
4. Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве / В. Я. Брюсов // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. – М.: Издательство АН СССР, 1960. – V. – С. 257-349.
5. Войтоловский Л. Н. <Рецензия> / Л. Н. Войтоловский // Киевская мысль – 1913 – №81. – 22 марта.
6. Голиков В. Г. Лики авторов и лики жизни («Александр 1») / В. Г. Голиков // Вестник знания. – 1913. – № 1. – С. 124-128.
7. Горький и русская журналистика начала XX века: неизданная переписка // Литературное наследство / ответственные редакторы И. С. Зильберштейн, Н. И. Дикушина; том подготовлен совместно с Архивом А. М. Горького – М.: Наука, 1988. – Т. 95. – 1080 с.

8. Евгеньев-Максимов В. Е. «Александр I» Мережковского и Департамент полиции / В. Е. Евгеньев-Максимов // Жизнь искусства. — 1922. — № 13 (836). — 28 марта. — С. 5
9. Иванов-Разумник Р. В. Мертвое мастерство : Д. Мережковский / Р. В. Иванов-Разумник // Иванов-Разумник Р. В. Творчество и критика. — Пг. : Колос, 1922. — С. 85-145.
10. Измайлов А. А. <Рецензия> / А. А. Измайлов // Биржевые ведомости. — 1913. — №13339.
11. Колобаева Л. А. Тотальное единство художественного мира (Мережковский-романист) // Д. С. Мережковский : мысль и слово. — М. : Наследие, 1999. — С. 5-18.
12. Корнилов А. А. Исторический роман Д. С. Мережковского «Александр I» / А. А. Корнилов // Современник. — 1913. — № 2. — С. 184-200.
13. Лундберг Е. Г. Мережковский и его новое христианство / Е. Г. Лундберг. — СПб. : Типография Шумахера, 1914. — 192 с.
14. Лятский М. А. Предисловие: [критико-биографический очерк] / М. А. Лятский // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: [в 17 т.] — СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1912. — Т. 15. — С. I-XI.
15. Мельгунов С. П. Роман Мережковского «Александр I» / С. П. Мельгунов // Голос минувшего. — 1914. — № 12. — С. 39-80.
16. Мережковский Д. С. Александр I: [роман : отрывки] / Д. С. Мережковский // Русское слово. — 1911. — апр.-ноябрь; 1912. — янв.-декабрь.
17. Мережковский Д. С. Александр Первый: [роман] / Д. С. Мережковский // Русская мысль. — 1911. — № 5. — С. 5-53; № 6. — С. 1-50; № 10. — С. 1-42; № 11. — С. 43-69; № 12. — С. 9-32; 1912. — № 1. — С. 1-22; № 3. — С. 1-30; № 4. — С. 88-121; № 10. — С. 80-132; № 11. — С. 125-155; № 12. — С. 84-154
18. Мережковский Д. С. Александр Первый : [роман: в 2 т.] / Д. С. Мережковский. — СПб. ; М. : Товарищества Вольф и Сытин, 1913. — Тт. 1-2.
19. Михин А. Роман Д. С. Мережковского «Александр I» : художественная картина мира : автореферат дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Михин — Магнитогорск : Издательство Магнитогорского государственного университета, 2004. — 19 с.
20. Россия под скипетром Романовых: очерки из русской истории за время с 1613 по 1913год / под ред. проф. П. Н. Жуковича. — СПб. : Государственная типография, 1912. — 320 с.
21. Садовской Б. А. Оклеветанные тени (О романе Д. С. Мережковского «Александр I») / Б. А. Садовской // Северные записки. — 1913. — № 1. — С. 115-119.
22. Чудовский В. А. «Русская мысль» и романы В. Брюсова, З. Гиппиус, Д. Мережковского / Чудовский В. А. // Аполлон. — 1913. — № 2. — С. 72-77.
23. Bedford C. H. The Seeker: D. S. Merezhkovsky / Charles Harold Bedford. — Lawrence: University Press of Kansas, 1975. — 222 p.
24. Rosenthal B. G. Dmitri Sergeevich Merezhkovsky and the Silver Age : the development of a revolutionary mentality / by Bernice Glatzer Rosenthal. — The Hague : Martinus Nijhoff, 1975. — 248 p.

Анотація. Роман «Олександр Перший» було визнано одним із самих значних російських літературних явищ 1910-х рр. Мета дослідження – проаналізувати, яке відображення знайшли у критичних статтях сучасників Д. С. Мережковського (М. О. Лятського, В. Е. Євген'єва-Максимова, Б. О. Садовського, В. О. Чудовського, Л. Н. Войтоловського, Ф. Д. Батюшкова, В. Г. Голікова, О. О. Измайлова, О. О. Корнілова, С. П. Мельгунова, М. Я. Абрамовича, Є. Г. Лундберга, Р. В. Іванова-Разумніка та ін.) головні структуроутворюючі принципи жанрової поетики цього історіософського символістського тексту.

Ключові слова: історіософський символістський роман «Олександр Перший», критичні статті, жанр, жанроутворюючі принципи.

Summary. The novel «Alexander the First» was acknowledged as first-rate Russian literature phenomenon of the 1910's. The goal of the research is to review the reflection of the basic structure-building principles of this historiosophic Symbolist text in the critical articles of D.S. Merezhkovski's contemporaries (M.A. Lyatski, B.A. Sadovski, V.A. Chudovsky, L.N. Vojtolovski, F.D. Batyushkov, V.G. Golikov, A.A. Ismajlov, A.A. Kornilov, S.P. Melgunov, N.Y. Abramovich, E.G. Lundberg, R.V. Ivanov-Razumnik and others).

Key words: historiosophic Symbolist novel «Alexander the First», critical articles, genre, genre-building principles.